

В-четвертых, законодательством ряда государств предусматривается обязанность лиц, проживающих в квазибрачных отношениях, материально содержать друг друга (ст. 515-4 ГК Франции, ст. 91 СК Украины, ст. 7 Закона Люксембурга «О правовых последствиях партнерства»).

В-пятых, хотелось бы обозначить наиболее отличные аспекты брачных и квазибрачных отношений. Как правило, партнеры не входят в круг наследников по закону и не обладают личными неимущественными правами, которые имеют супруги (например, право на общую фамилию). Презумпция отцовства сожителя матери имеет место лишь в некоторых странах, например Германии (ст. 1600 ГГУ).

Представляется, что институт фактических брачных отношений уменьшает роль семьи в обществе. В российской же доктрине некоторые правоведы считают возможным принятие Закона «О фактических брачных отношениях» и закрепления в нем понятия, условий действительности, вопросов формы и порядка установления фактических брачных отношений, оснований и порядка их прекращения, прав фактических супругов, обязанностей родителей и детей. Кроме этого, предлагается также предоставить фактическому супругу право наследования по закону на равных условиях с наследниками первой очереди. На наш взгляд, в настоящее время в Беларуси, несмотря на довольно большой процент пар, проживающих совместно без регистрации брака, законодателью не следует легализовывать институт квазибрачных отношений, который ослабит институт брака. Тем не менее, необходимо отслеживать динамику данного явления и в случае резкого увеличения числа пар, проживающих в фактических брачных отношениях, целесообразно продумать вопрос о защите имущественных отношений таких лиц и, безусловно, прав детей, рожденных в данных союзах. Однако более правильно было бы не доводить ситуацию до признания за квазибрачными отношениями юридического статуса, а выработать механизмы, которые будут направлены на повышение значимости семьи в обществе.

ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ПРАВА В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Бабкина Е. В., Белорусский государственный университет

Современной тенденцией развития международного частного права является усложнение классической структуры коллизионных норм посредством дифференциации объемов коллизионных норм, множественности привязок, появления новых видов гибких коллизионных норм. Причины данного явления очевидны: нормы международного частного права должны предусматривать возможность учета конкретных фактических обстоятельств. Усложнение структуры коллизионных норм ставит вопрос изменения подходов и к общим институтам международного частного права, таким как оговорка о публичном порядке, сверхимперативные нормы, обратная отсылка, обход закона, которые представляют собой механизмы ограничения применения иностранного права. Названные тенденции характерны не только для национального законодательства, но все более затрагивают процессы международного сотрудничества, как на универсальном, так и на региональном уровне.

Специального правового регулирования коллизионных вопросов в рамках Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС) в отличие от СНГ не имеется. Вместе с тем следует отметить такой регулятор *soft law*, как принятое Бюро Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС постановление «О рекомендациях по гармонизации

гражданского законодательства государств-членов ЕврАзЭС в сфере применения коллизионных норм» (далее — Рекомендации), которое предлагает государствам — членам ЕврАзЭС определенную модель сближения законодательства. Однако не со всеми предложениями названного акта можно согласиться.

Так, позитивно оценивая оговорку о публичном порядке, Рекомендации предлагают национальному законодателю указать, что «ее применение осуществляется с учетом сложности отношений с иностранным элементом». Такой подход представляется излишним, поскольку раздел «Международное частное право» гражданских кодексов всех государств — членов ЕврАзЭС в принципе применим исключительно к отношениям, осложненным иностранным элементом.

Рекомендации высказываются за сохранение/включение в тексты гражданских кодексов нормы о последствиях обхода закона, под которым в тексте анализируемого документа понимается «желание обойти нормы, которые содержат императивные предписания и регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права». В настоящее время нормы о запрете обхода закона отсутствуют в международном частном праве Российской Федерации и Республики Таджикистан, не упоминаются в наднациональных источниках международного частного права Европейского союза и законах его государств-членов, что отражает современные тенденции. Представляется, что правовые конструкции, с одной стороны, злоупотребления правом/обхода закона в гражданском праве достаточны для решения задачи защиты прав третьих лиц во внутренних отношениях, с другой стороны, оговорки о публичном порядке и сверхимперативных норм — для защиты прав третьих лиц и интересов государства в отношениях с иностранным элементом. Обход закона в международном частном праве констатируется в случае изменения сторонами правоотношения фактических обстоятельств таким образом, чтобы вывести их из сферы действия определенного, неблагоприятного для них, правопорядка и, как следствие, будет a priori исключаться из его юрисдикции. Если же, по мнению государства, обход закона существенно затрагивает его интересы и права третьих лиц, негативные для государства последствия минимизируются принятием соответствующих сверхимперативных норм или ссылкой правоприменителя на оговорку о публичном порядке. Примером действенности такого механизма может служить введение в Беларуси оффшорного сбора.

Рекомендации не регулируют непосредственно действие сверхимперативных норм, однако затрагивают частный случай квалификации внутренней нормы в качестве таковой. Так, в пункте 4 Рекомендаций предлагается «отказаться от выделения особых последствий несоблюдения простой письменной формы для внешнеэкономических сделок как неоправданных в современных условиях». Таким образом, предлагая с осторожностью относиться к признанию внешнеэкономических сделок недействительными по мотиву несоответствия требованиям к форме, евразийский законодатель высказывается за сокращение количества норм непосредственного применения в области регулирования внешнеэкономических сделок, что можно только приветствовать в условиях отмены обязательной письменной формы таких сделок и, соответственно, снятия соответствующих оговорок к Венской конвенции о договорах международной купли-продажи 1980 г. большинством государств-членов.

Проведенный анализ демонстрирует, что ЕврАзЭС заинтересовано в гармонизации коллизионно-правового регулирования частнопровых отношений и механизмов ограничения применения иностранного права в государствах-членах. Данный вопрос требует дальнейшей проработки в целях следования современным тенденциям развития международного частного права.